

ЦИКЛ «МИР ЛОЗЫ И КАМНЯ»:

НЕВЕСТА

МЕХАНИЧЕСКОЕ СЕРДЦЕ.

ИСКРЫ ГАСНУЩИХ ЖИЛ

МЕХАНИЧЕСКОЕ СЕРДЦЕ.

ЧЕРНЫЙ ПРИНЦ

ХОЗЯЙКА БОЛЬШОГО ДОМА

КОРОЛЕВСКИЕ КАМНИ

ДИНАМИЧЕСКОЕ РАВНОВЕСИЕ

Карина Демина

КОРОЛЕВСКИЕ КАМНИ

T8 RUGRAM

УДК 82-312.9
ББК 84.4
Д 30

Демина К.

Д 30 Королевские камни / К. Демина, — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2021. — 436 с. — (Мир лозы и камня).

ISBN 978-5-521-90738-0

Что делать, если война отняла родителей и саму веру в людей? Если те, кто вчера называл тебя другом, сегодня предали? Если твой дом принадлежит чужаку, но идти больше некуда, ведь альве не выжить зимой? Ийлэ придется сделать выбор. Ненавидеть? Или, ненавидя, все же помочь вчерашнему врагу? Но враг ли он, Райдо из рода Мягкого олова? Он помогает, ничего не требуя взамен. Он защищает Ийлэ и, кажется, готов выступить против целого города. Но что нужно ему, сокровища, спрятанные где-то в доме, или же сама Ийлэ? И почему Ийлэ так важно знать ответ на этот вопрос?

BIC FM
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-521-90738-0

© Карина Демина, текст, 2021
© Яна Цилибина, обложка, 2021
© Т8 RUGRAM, оформление, 2021
© Т8 Издательские технологии, 2021

ГЛАВА 1

Огонь и вправду оказался честной стихией.

Ненависть не вернулась; но и пустота, выжженная пламенем, не исчезла. Ийлэ ощущала ее дырой в груди, которую никто больше не видел. Эта дыра не мешала, нет, и порой Ийлэ вовсе забывала о ее существовании, но она... была.

Меж тем потянулись зимние дни, один за другим, пока вдруг не выяснилось, что зимы этой уже и не осталось.

Вернулась кухарка, а с нею конюх и две женщины в черных вдовьих платках. Они скользили по дому призраками, оставляя после себя запах горя и камфоры. Ийлэ сторонилась людей.

А люди сторонились Ийлэ.

Она словно не существовала для них. И пускай, главное, что дом больше не мерз.

Камины.

И завтраки в гостиной, поскольку столовая слишком велика для троих. Нат и Нани, с которой он возится, будто бы с куклой. Райдо.

Ийлэ.

Игра в семью? Почему бы и нет.

В этой игре есть место книгам и клавишину. Руки Ийлэ неуклюжи, и игра получается неровной, но никто не обращает внимания.

Обеды.

Прогулки по двору.

Ужины и длинные вечера.

— Расскажи, — Райдо устраивается на полу, рядом с Нани, которая подобному соседству лишь рада. Она моментально выпускает из рук погремушку и, пыхтя, вздыхая от натуги, пытается развернуться. Руки ее вязнут в толстой шкуре, но Нани упряма.

— О чем?

— Не знаю... о чем-нибудь. О городе...

Для него истории Ийлэ — сказка, и кажется, она сама начинает воспринимать их именно так. Легче становится.

На сказку нельзя затаить обиду.

Или злость.

Ей нельзя отомстить, и проклинать за обман бессмысленно, потому что сказка — это вымысел. Неправда. И Ийлэ ложится на кушетку, руки спускает до самого пола, гладкого, вылизанного солнцем добела, дотепла.

— О городе... давным-давно...

Райдо фыркает, и Нани заходится смехом, до того ей радостно... пускай, если радостно.

— Давным-давно, еще до войны... — и улыбка уходит из глаз Райдо. Жаль. Ей нравится смотреть, как он улыбается, пусть бы и радость эта иррациональна, но Ийлэ может себе позволить иррациональность. — В этом городе устраивали ярмарку. Ежегодную.

— Благотворительную?

— Конечно... мы собирали деньги для помощи сиротам... или старикам... или вдовам... мало ли... тогда, давным-давно, в мире всегда находились люди, которым нужна была помощь.

— Они и сейчас остались.

Ийлэ поморщилась: возможно, и остались, но нельзя путать сказку с реальностью, от этого будет больно. А она больше не хочет боли.

— Мне ярмарки нравились, — Ийлэ проводит пальцем по доске, которая гладкая, но все равно неровная, и ей странно, что одно возможно сочетать с другим. — Я рисовала... тогда у меня получались милые акварели. Розы в бу-

кете, и нарциссы, а вот с гиацинтами не ладилось. Нет, все было очень точно, но выходили они какими-то ненастоящими, понимаешь? Безжизненными... а розы покупали хорошо. Папа делал шкатулки, то есть, не совсем шкатулки, заготовки из дерева, крохотные, такие, которые на два кольца... и замочек с секретом... а мама украшала их раковинами и кусочками перламутра... всегда дюжину для ярмарки...

— А моя букеты из перьев делает, — признался Райдо. — Красивые.

И это тоже было неправильно. Нет, не то, что матушка его делает букеты из перьев, но сам факт, что у него где-то там, далеко, имеется мать, и что она участвует в ярмарках. И что сами эти ярмарки существуют с их кукольным театром, лавочниками и коробейниками, палатками, в которых можно увидеть какое-нибудь чудо, непременно рукотворное, но от того не менее волшебное...

— Мамины шкатулки всегда пользовались успехом, особенно, когда кто-то собирался сделать предложение... их продавали с аукциона, и все в городе знали, для кого... то есть, кто будет играть свадьбу и... и, наверное, это ерунда?

— Наверное.

Райдо легко соглашаться.

Он рядом, на полу, перевернул Нани на спину и щекочет, а та дрыгает ногами, пыхтит, не то от возмущения, не то от восторга.

— А в этом году ярмарка будет? — поинтересовался Райдо, позволяя Нани перевернуться-таки на живот.

— Не знаю. Наверное. Почему нет?

— Действительно, — он произнес это странно. — Почему нет?

Потому, что война закончена, и город ожил, ему тоже надо затянуть раны, притвориться, будто бы и не было ничего...

— Каждый год, за неделю до начала ярмарки, выбирают королеву... — Ийлэ гладила доску и жмурилась: солнце яр-

кое, близкое такое. — На площади ставят зеленую палатку, а в ней — ящик. Он заперт на три замка и опечатан. В этот ящик каждый горожанин может бросить бумажку с именем девушки, которая достойна надеть корону...

— И ты...

— Нет, — Ийлэ покачала головой. — Меня выбирали, но...

— Но?

— Отец запретил.

— Почему?

— Понятия не имею, но это было странно... Райдо...

— Да? — он повернулся к ней, уставился... глаза-зеркала с темными зернами зрачков.

— Ничего, но... у тебя случалось, что вот ты живешь-живешь... все кажется таким обыкновенным, привычным, а потом оглядываешься и понимаешь, что ты многого не видел. Не замечал. Почему так?

— Не знаю.

— Он ведь никогда и ничего не запрещал просто так... он был хорошим...

— Верю.

— Очень хорошим... замечательным. И меня любил. И маму... а этот случай... ерунда же... титул этот... королева весны. Зачем выбирать королеву, если весна почти закончилась? Но обычай... обычаи порой напрочь лишены смысла... а кроме титула положен венок из полевых цветов... его красивым плетут, но все одно это лишь венок. Из полевых цветов. И мантия шелковая... зеленого цвета... — Ийлэ вздохнула, вспоминая, как примеряла ее.

Не новая, не сказать, чтобы красивая, но такая желанная...

Мантию подшивали.

И обновляли.

И матушка подкалывала ее булавками, ворча, что Ийлэ могла бы подрасти еще немного, тогда бы и шить не пришлось.

— Он вошел и увидел меня в этой мантии. И побледнел даже... сорвал ее... бросил... он никогда не позволял себе вот

так... и на маму накричал... она пыталась сказать, что эта мантия ничего не значит, что это все — не взаправду... а он...

Ийлэ замолчала, пытаясь понять, почему вспомнила именно этот эпизод.

— Он сказал, что я и в шутку не должна примерять на себя корону.

Райдо, нестарый ты пень!

Несказанно рад получить от тебя письмецо. Новости, как выражается моя дорогая супружница, преудивительные и прерадостные. Я охренительно счастливый узнать, что ты не только не помер, но и не собираешься. Что до остального, то готов оказать тебе всяческое вспомоществование.

Читал твоё письмецо и чухался, что лишайный. А сам знаешь, небось, что шкура моя и задница, которая чует неприятности, никогда не ошибались. Снова ты прав, дорогой командир, в том, что на такое сокровище желающих найдется, и потому беречь его надобно. За сим шлю тебе людишек из тех, о ком имею надежное ручательство.

А по весне, когда ты в вояж свой отбудешь, и сам загляну, погостую недельку-другую.

Твой старый товарищ.

P.S. На свадьбу-то позовешь, извращенец несчастный?

Сложив письмо, Райдо сунул его в нагрудный карман.

Люди.

Нет, людей среди них не было, разве что наполовину, а у старшего — не больше четверти чужой крови, и то, эта четверть скорее ощущается, нежели видна.

Высокий, едва ли не с Райдо ростом.

Недружелюбный.

Он озирается настороженно, словно ожидает подвоха и от Райдо, и от самого этого места, в котором ему придется остаться до весны.

— Райдо, — Райдо протянул руку; и ноздри старшины дрогнули.

Чует болезнь?

Что им рассказали? Вряд ли многое и... и не хочется пускать чужаков на свою территорию, но и нельзя допустить, чтобы усадьба и дальше оставалась без защиты.

— Гарм, — ответили Райдо и руку пожали.

Крепко.

Ладонь сухая. Мизинца не хватает. И на шее Гарма характерный рубец виднеется, который он старается прикрыть, платочек повязал желтенький, веселенький.

— Нам сказали, что есть работа, — Гарм говорил медленно, неторопливо, каждое слово пережевывая массивными челюстями.

— Есть, — согласился Райдо.

— До весны?

— Пока да, а там посмотрим. Идти некуда?

Гарм пожал плечами.

Значит, и вправду некуда.

Пенсия? Или просто увольнение? Война окончена; и в армии отпала надобность, во всяком случае, в той, в прежней, куда брали всех. Кто останется?

Тот, за кем стоит род.

Или тот, кто удобен. Этот, сразу видно, своенравный. И наверняка, многим успел дорогу перейти... а с ним и десяток.

— Задача простая. Охранять поместье и всех, кто в нем живет, — Райдо повернулся к дому.

Альва наверняка следит.

И не обрадуется.

Поймет, конечно, что охрана нужна, но все одно не обрадуется. Сбежит на чердак? Или сразу в башню? После того вечера она стала еще более тихой и задумчивой, чем прежде. Не женщина — тень бессловесная.

Гарм молча ждал продолжения.

— Поселитесь в доме. Сами выберете, где именно, места здесь хватает. Сегодня устраивайтесь, а завтра... завтра съездим в город. Надо провести старых знакомых. И еще. Альва моя. Надеюсь, недопонимания не будет?